

Глава 1

ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО И ПРАВОСУДИЕ: К ПРОБЛЕМЕ ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

М.О. Дьяконова, П.Д. Печегина, С.А. Сеницын

Переход от административно-командной системы к регулированию рыночной экономики, основанной на свободе конкуренции и ценообразовании, явился объективной предпосылкой воссоздания в постсоветской России коммерческого правосудия, существовавшего до 1917 г. Выделение экономических споров в обособленную категорию дел, установление законом критериев подведомственности и специальных правил для их разрешения в законе продолжают традиции российского права (в дореволюционной России коммерческие споры рассматривались исключительно коммерческими судами, а в советский период — системой судов государственного арбитража, они никогда не относились к компетенции судов общей юрисдикции).

На современном этапе развития коммерческой юстиции вызовов много. В первую очередь, полагаем, требуют решения следующие проблемы:

1. *Формирование нового экономического и технологического уклада жизни общества.* Суды действуют в условиях существования двух таких укладов — привычного, давно сложившегося, и нового, нарождающегося, следствием формирования которого уже стало появление нетипичных дел и споров, которые должны разрешать суды.

Новый технологический и экономический уклад влечет за собой и другой вызов — модернизацию правосудия. Современное развитие экономических отношений обусловлено стремительным научно-технологическим прогрессом, в ходе которого возникают новые объекты гражданских прав (виртуальные вещи, криптовалюта и т.д.) и даже новые субъекты (роботы). Кроме технологических инноваций появляется множество организационных новшеств и логистических механизмов ведения бизнеса, новых способов извлечения дохода, изобретаются и все более изощренные преступные мошеннические

схемы по хищению чужого имущества, легализации и отмыванию незаконно полученных доходов и др.

В этих условиях позитивное право с его традиционно консервативным механизмом принятия законов объективно не в состоянии успевать за развитием экономических отношений. Это означает, что в настоящее время как никогда остро стоит проблема перехода деятельности судов от формального нормативистского подхода к учету основополагающих начал справедливости и экономических факторов, влияющих на оценку обстоятельств дела и принятие итогового судебного решения. По существу речь идет о более активном применении в правосудии принципов права, внедрении оценочных понятий (таких, как добросовестность, разумность, злоупотребление правом и т.д.), а также методологии экономического анализа правоотношений сторон и последствий принимаемых судом решений, об обязанности суда выносить не только законные, но и справедливые и экономически обоснованные решения. Иными словами, при осуществлении правосудия возникает потребность не только в применении и толковании норм права, но и в использовании всего комплекса человеческих знаний, достижений разных отраслей науки (с учетом межотраслевого подхода), принципов и оценочных понятий, экономического анализа в целях достижения справедливости при принятии решений.

Отдельной, но связанной с этой проблемой следует считать поиск критериев эффективности правосудия, для чего требуются современные методики. Имеющиеся доктринальные наработки были сделаны достаточно давно¹.

Необходимо расширение контекста (изменение ракурса) понимания экономического правосудия как концептуального направления его развития. Сложность разрешаемых дел связывается не только с обширным массивом законодательства — применимым правом, но и с межотраслевым регулированием законодательства о предпринимательской деятельности (нормы гражданского законодательства, государственное регулирование предпринимательства, налоговое и природоохранное законодательство). Цели, задачи и функции экономического правосудия невозможно связать только с ценностями частного права (свобода договора, диспозитивность, неприкосновенность собственности). В.Ф. Яковлев справедливо отмечает, что «сложность и масштабность предпринимательской деятельности порождают также особую сложность и масштабность экономических

¹ См.: Эффективность правосудия и проблемы устранения судебных ошибок: в 2 т. / под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1975.

споров между участниками экономической деятельности... а для разрешения возникающих в этой сфере споров требуются специальные познания в области экономики», в связи с чем экономическое правосудие имеет «тесную связь с реальной экономической жизнью, практикой предпринимательской деятельности, ее проблемами»¹. Таким образом, функции экономического правосудия не сводятся к разрешению споров двух частных лиц, а затрагивают интересы неопределенного круга лиц и самого правопорядка, что само по себе предполагает соблюдение баланса частных и публичных интересов при разрешении каждого спора. Соответственно, при отправлении правосудия судьи всех инстанций, сохраняя беспристрастность и независимость, должны не только руководствоваться оценкой представленных спорящими сторонами доказательств, но и осознавать экономические последствия принимаемых судебных актов.

В связи с этим возможны ситуации, когда одна правовая норма должна быть признана более предпочтительной по отношению к другой, если результатом ее действия становится более высокий уровень общественного благосостояния².

Примером применения экономического подхода к отправлению правосудия может служить изменившаяся судебная практика по договору лизинга, в которой при возникновении противоречий между правовыми нормами и экономической действительностью был сделан выбор в пользу последней³.

В условиях сохранения фундаментальных принципов состязательности и равноправия спорящих сторон на повестке дня оказывается необходимость усиления судебного контроля во избежание злоупотреблений участников хозяйственной деятельности, использующих авторитет судебной власти в заведомо противоправных и недобросовестных целях при осуществлении фиктивной хозяйственной деятельности. Вышеизложенное возможно проиллюстрировать на примере создания видимости хозяйственных операций как основания перечисления денежных средств при исполнении судебных актов в обход законодательства о противодействии легализации преступно полученных доходов и финансированию терроризма. Выявление подозрительных банковских операций и оспаривание

¹ Яковлев В.Ф., Семигин Г.Ю. Экономическое правосудие в России: в 4 т. М., 2006. Т. 4. С. 10, 11.

² См.: Курочкин С.А. О перспективах применения экономического анализа права в российском правоправедении (на примере гражданского судопроизводства) // Экономика и право. 2014. № 4 (1). С. 127.

³ См. постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга».

актов Росфинмониторинга и Банка России, ограничивающих распоряжение денежными средствами, владельцами банковских счетов не может осуществляться по общим правилам искового производства при взыскании задолженности, а предполагает более тщательную проверку реальности банковской операции, для чего потребуются законодательно предусмотреть обязательное привлечение к участию в деле Банка России, Росфинмониторинга, прокурора по этой категории дел.

Несмотря на то что суд в континентальной системе права непосредственно не наделен нормотворческими функциями, с практической точки зрения судебные решения для установления обязательных правил поведения для субъектов экономической деятельности имеют особое значение. По существу сформировавшаяся единообразная судебная практика по тем или иным категориям дел, доступная для всех хозяйствующих субъектов посредством использования картотеки арбитражных дел в сети «Интернет», играет не меньшую регулятивно-ориентирующую роль в поведении участников экономической деятельности, чем законы и иные нормативные правовые акты.

Следует отметить важность экономического анализа в современных условиях.

Экономические методы в процессуальной деятельности суда могут применяться в следующих направлениях:

– учет экономического содержания отношений сторон при оценке доказательств и установлении обстоятельств дела, а в некоторых случаях — приоритетность экономического содержания над правовой формой;

– прогнозирование и оценка экономических последствий принимаемых судом решений для сторон конкретного правоотношения;

– прогнозирование значения принимаемых судом решений для обеспечения единообразия судебной практики, поддержания единства экономического пространства как в России, так и в рамках ЕАЭС и других межгосударственных экономических объединений, в том числе договорных (например, в системе ВТО), оценка регулятивных последствий принимаемых судом решений для экономики в целом;

– привлечение экспертов по экономическим вопросам в процессе осуществления правосудия;

– использование высшей судебной инстанцией права законодательной инициативы для внесения в Государственную Думу Федерального Собрания РФ проектов федеральных законов, устраняющих очевидные пробелы и недостатки действующего правового регулирования экономических отношений.

Применение экономических методов при осуществлении правосудия само по себе требует создания системы базовых принципов и подходов, которые могут использоваться судами по всем вышеназванным направлениям. Следует четко представлять те случаи, когда суды должны, а когда, наоборот, не могут оценивать экономическую составляющую при оценке действий сторон спорного правоотношения. Например, при совершении цепочки внешне законных сделок с целью отмывания и вывода за рубеж преступных доходов суд должен проверять экономический смысл указанной операции и оценивать всю совокупность обстоятельств, отдавая в данном случае приоритет экономическому содержанию над правовой формой. Вместе с тем при привлечении к ответственности директора за причиненные организации убытки должно работать правило «бизнес-решения», согласно которому за директором признается право на экономическую ошибку, обусловленную рискованым характером предпринимательской или иной экономической деятельности.

Следует отметить, что подобные принципы и подходы не отражены в законодательстве, и их вынуждена создавать судебная практика на основе интуитивных представлений. Например, правило «бизнес-решения» впервые в отечественном правопорядке получило выражение в правовой позиции Конституционного Суда РФ, который указал, что «...судебный контроль призван обеспечивать защиту прав и свобод акционеров, а не проверять экономическую целесообразность решений, принимаемых советом директоров и общим собранием акционеров, которые обладают самостоятельностью и широкой дискрецией при принятии решений в сфере бизнеса. Следовательно, суды не оценивают экономическую целесообразность предложенного варианта консолидации акций, поскольку в силу рискованого характера предпринимательской деятельности существуют объективные пределы в возможностях судов выявлять наличие в ней деловых просчетов»¹.

Разработка общей системы соответствующих принципов применения методологии экономического анализа при осуществлении

¹ См. пункт 2.5 постановления Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона “Об акционерных обществах”, регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании “Кадет Истеблишмент” и запросом Октябрьского районного суда города Пензы»; определение Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2008 г. № 1072-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества “Центральная топливная компания” на нарушение конституционных прав и свобод положениями пункта 1 статьи 252 Налогового кодекса Российской Федерации».

правосудия является первостепенной научной задачей, подлежащей скорейшему решению. При этом базовые принципы могут быть закреплены не только в разъяснениях судов, но и на уровне процессуальных кодексов.

Излишне жесткий нормативистский подход при осуществлении правосудия зачастую находит опору и в российском законодательстве. Например, в ст. 12 ГК РФ установлено правило, согласно которому защита гражданских прав может осуществляться лишь указанными в этой статье способами или иными способами, прямо предусмотренными законом. На практике это приводит к тому, что суды не принимают искивые заявления в случаях, когда избранный истцом способ защиты гражданских прав прямо не предусмотрен законом (например, иски о признании сделок незаключенными (закон предусматривает лишь возможность признавать сделки недействительными, а не «незаключенными»), о восстановлении корпоративного контроля (только с 2014 г. данный способ защиты предусмотрен в ГК РФ) и др.).

Однако в данном случае строгое применение ст. 12 ГК РФ и отказы судов в принятии исков о защите гражданских прав способами, прямо не предусмотренными законом, не только представляют собой по существу отказ в правосудии и нарушении прав и законных интересов истцов, но и противоречат п. 2 ст. 45 Конституции РФ, согласно которой каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Необходимо отметить направляющую роль правоприменительной практики в развитии законодательства и высокую востребованность правоприменительной деятельности в защите нарушенных прав и охраняемых интересов. В связи с этим наблюдается потребность в укреплении правоохранительной функции судебной власти при защите гражданских прав. Сама по себе реализация идеи справедливости и эффективной защиты прав обосновывает своевременность корректировки императивных требований закона об исчерпывающем и заранее установленном законом перечне способов защиты гражданских прав (ст. 12 ГК РФ). При этом эффективность правоприменительной деятельности на современном этапе предполагает всестороннее исследование всех обстоятельств спора через призму законности без привязки к заранее определенным законом основаниям иска — способам защиты гражданских прав. Принятие такого подхода повысит уровень защищенности прав участников экономической деятельности, создаст дополнительные препятствия противоправному поведению и позволит отступить от шаблонов формализма при отправлении правосудия.

Чрезвычайно важным в практической деятельности судов является соблюдение конституционного принципа диспозитивности и свободы использования любых не запрещенных способов защиты гражданских прав в суде. Отдельная научная задача — исследование не предусмотренных способов защиты гражданских прав и их систематизация в целях создания для судов научно-методологической основы для их практического применения.

Значение и потенциал судебной практики на современном этапе развития правовой системы требуют законодательного закрепления механизма имплементации судебно-правовых позиций в законодательство, в то время как содержательная целостность и функционал мониторинга правоприменения предполагают включение мониторинга судебной практики как обязательного компонента.

2. Модернизация правосудия в современных условиях, необходимость учета экономических факторов. Предполагается и постановка вопроса о существенном изменении правил доказывания, в частности о введении стандарта доказывания по отдельным категориям дел в отечественном арбитражном процессе.

Эффективная и доступная защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, предполагает использование судьями новых для них экономических методов в судебном познании — экономико-правовых, что требует нового подхода к институту доказывания в арбитражном процессе.

В основе действующего института доказывания лежит общее правило свободной оценки доказательств судьей по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств (ст. 71 АПК РФ). Однако данный подход не учитывает того обстоятельства, что в процессе отправления правосудия судам следует ориентироваться не столько на необходимость установления объективной истины по делу, сколько на оптимальное значение баланса вероятностей наличия или отсутствия того или иного обстоятельства, в том числе исходя из оценки экономической ситуации, имевшей место при совершении юридически значимых действий хозяйствующими субъектами. Это ставит вопрос о возможности использования при осуществлении правосудия отдельных элементов англосаксонской модели, предусматривающей применение по различным категориям дел разных стандартов доказывания, предполагающих сознательное допущение судом той или иной степени вероятности при вынесении решения.

3. *Размывание и дифференциация содержания принципа справедливости и, как следствие, его переосмысление на доктринальном уровне¹, а также поиск механизмов защиты национальных интересов, прав и интересов граждан и государства при реализации решений международных судов и судебных органов иностранных государств.* Необходимо отметить востребованность функции активного судебного контроля в делах об исполнении решений иностранных судов и арбитражей по делам, участниками которых являются резиденты Российской Федерации. Очевидно, что в условиях агрессивной политики США и стран Евросоюза в отношении России, широкой практики применения санкций к крупным и системообразующим российским организациям исполнение судебных актов иностранных судов и арбитражей предполагает их обязательное соответствие российскому публичному порядку. В то же время усиливается тенденция стандартизации правовых явлений, в том числе стандартов правосудия². При этом остро стоит вопрос гармонизации международных и национальных стандартов правосудия на основе осмысления национальной конституционной идентичности.

4. *Высокие темпы законотворчества и динамики законодательства, а также его дефекты.* Это проблема современного арбитражного процесса, поскольку нестабильность законодательства значительно затрудняет деятельность судов. Многие специалисты видят выход из этой ситуации в повышении качества законов и законотворческой деятельности. Это верно, но, во-первых, это нацеливает на новый виток изменения законодательства (иначе как повысить его качество?), во-вторых, актуализирует некоторые доктринальные проблемы, которые приобретают новое звучание. В частности, любые законотворческие инициативы, связанные с совершенствованием норм материального и процессуального права, должны ориентироваться на закономерности и тенденции развития системы права. Однако привычное ее восприятие как явления, имеющего отраслевую структуру, все чаще ставится под сомнение. Изучение современных тенденций динамики системы права и системы законодательства приводит к выводу, что оно демонстрирует некую «модульную» модель развития, ориентированную на совершенствование не отраслей права, а так называемых циклических правовых

¹ См.: Зорькин В.Д.: Справедливость — императив цивилизации права: лекция в рамках Петербургского международного юридического форума (17 мая 2018 г.) // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: ksrfg.ru

² См. подробнее: Глазкова М.Е. Применение европейских стандартов правосудия в российском арбитражном процессе. М., 2012.

массивов¹. Это важное наблюдение, которое следует учитывать не только при разработке законодательных инициатив, но и при систематизации законодательства. Отсюда научные задачи — проверка гипотезы о циклических массивах в праве, доктринальное освоение этого явления, разработка концепции развития законодательства с учетом новых трендов в праве и законотворчестве.

Решение проблемы качества применяемого закона при разрешении экономических споров предполагает адекватность правил законодательного регулирования развивающимся в обороте отношениям при сохранении баланса частных и публичных интересов, стабильность и предсказуемость развития законодательства. Первое, на что следует обратить внимание в этом случае, это значение связи правосудия с нормами материального права. В конечном счете именно применяя нормы материального права суд разрешает дело, отправляет правосудие. Таким образом, качество законов, иных правовых актов самым непосредственным образом влияет на соответствие принимаемых по конкретным делам актов требованию справедливости, доверие граждан к суду как источнику законности и справедливости, как органу *правосудия*. Если же материально-правовая основа нестабильна и постоянно изменяется, если правовые нормы не обеспечивают для участников отношений определенности, содержат технические ошибки, то тогда на органы правосудия, которые и так изначально работают для преодоления (решения) общественных конфликтов, по существу налагается двойная нагрузка: юридические лица ждут в этой ситуации, что именно суд не только решит конкретный спор, но и даст понимание того, как дальше использовать конкретные нормы материального права, какое поведение будет в будущем являться законным и где грани между таким поведением и поведением противоправным.

Исходя из этого заслуживает особого внимания проблема повышения качества закона². И речь идет не только и даже не столько о соблюдении требований юридической техники, сколько о том, что изменения материальных норм должны иметь ясное обоснование, они не должны быть спонтанны, а в случае радикального изменения в регулировании тех или иных отношений должны устанавливать переходный период, достаточный для адаптации к ним участников отношений; при изменении необходимо учитывать баланс интересов

¹ См.: Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1.

² См.: Тихомиров Ю.А. О теории правового регулирования: сравнительный анализ // Журнал российского права. 2009. № 12. С. 5–13; Его же. Юридическое проектирование: критерии и ошибки // Журнал российского права. 2008. № 2. С. 3–9.

различных участников отношений, а для этого сам срок принятия изменений должен быть значительно увеличен, и экспертиза проектов нормативных актов должна стать более продолжительной по срокам и более глубокой по содержанию. Следует отметить, что имеющиеся регламенты принятия законов и иных нормативных актов пока не выполняют задачи, которые на них возлагались. И здесь целесообразна научная дискуссия органов правосудия (судей и с их участием) и широкого юридического сообщества, а также всех заинтересованных лиц.

Способствовать повышению качества правотворческой работы, упорядочению системы действующих нормативных правовых актов на основе единых положений и принципов может принятие уже давно обсуждаемого закона о нормативных правовых актах¹.

5. *Формирование судами единообразной судебной практики и предсказуемость судебных актов.* Более чем 20-летний опыт работы арбитражных судов демонстрирует значительные успехи в координации работы по совершенствованию гражданского законодательства (определению приоритетных направлений его развития), кодификационные основы которого были сформированы в середине 1990-х гг. на этапе первичного правового оформления рыночных отношений на постсоветском пространстве и не были запланированы как константа в регулировании складывающихся экономических отношений².

¹ ИЗИСП в течение 30 лет занимается разработкой проблемы подготовки закона «О нормативных правовых актах» («закона о законе»), главная цель которого — достижение единства и непротиворечивости законотворческого процесса, выстраивания нормативных правовых актов в единую систему, обеспечение их иерархии и согласованности, повышение юридико-технического качества принимаемых законов (см.: Проект федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» (инициативный законопроект). М.: ИЗИСП, 2013; Казьмин И.Ф., Поленина С.В. «Закон о законах»: проблемы издания и содержания // Советское государство и право. 1989. № 12. С. 3—9; Тихомиров Ю.А., Рахманина Т.Н., Хабибулин А.Г. Закон о нормативных правовых актах — актуальная повестка дня // Журнал российского права. 2006. № 5. С. 88—93; Власенко Н.А., Рафалюк Е.Е. Концепция проекта о нормативных правовых актах и совершенствование законотворческого процесса // Научные концепции развития российского законодательства: монография. 7-е изд. / отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М., 2015. С. 75—86).

² Именно судебно-арбитражной практикой была показана востребованность совершенствования ГК РФ в следующих направлениях: решения собраний (п. 1.1 ст. 8); основные начала гражданского законодательства (ст. 2); аффилированность (ст. 53.2); конкретизация места корпоративного законодательства в предмете и системе гражданского законодательства (ст. 2); применение общих положений об обязательствах (ст. 307.1); факультативное и альтернативное обязательство (ст. 308.2, 308.3); обусловленное исполнение обязательств (ст. 327.1); правила о рамочном, опционном, абонентском договоре (ст. 429.3, 429.4, 429.1, 429.2), заверения об обстоятельствах (ст. 431.2) и многие другие новеллы.

При этом необходимо стремиться к тому, чтобы достижение единообразия практики стало возможным не только на уровне Верховного Суда РФ, но и на уровне нижестоящих судов. В период 2015–2025 г. в судебном заседании Президиума Верховного Суда РФ по надзорным жалобам на судебные акты арбитражных судов было принято всего девять постановлений, поэтому с учетом количества дел, территории страны и прочих экономических факторов неэффективно возлагать формирование всей практики на высший судебный орган. Особое значение имеет деятельность кассационных инстанций, особенно подготовка ими обзоров практики рассмотрения определенных категорий дел, поскольку правовые позиции Верховного Суда РФ, будучи основанными на общем подходе, могут развиваться и уточняться в актах нижестоящих судебных инстанций. Кроме того, единообразие практики предполагает не только толкование и применение правовых норм, которые соответствуют разъяснениям, содержащимся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, а также в обзорах судебной практики, утверждаемых Президиумом Верховного Суда РФ, но и отсутствие разногласий и противоречий в текущей судебной практике арбитражных судов при применении какой-либо нормы.

Правовая определенность предполагает ясность и постоянство в применении и содержании правовых норм, максимальную предсказуемость судебных актов. Субъекты предпринимательской деятельности должны быть уверены в том, что определенные действия повлекут соответствующие последствия, и выбирать правильную стратегию поведения и защиты.

6. *Влияние «цифровизации» на форму права.* Электронные версии формально-юридических источников права уже давно размещаются в сети «Интернет», создаются соответствующие электронные базы и информационно-справочные системы (такие, как «Гарант», «КонсультантПлюс» и др.). В настоящее время эти системы приобрели большую популярность как у практикующих юристов, так и у граждан. Социологические исследования показали высокую степень доверия пользователей к текстам, размещенным в этих системах. Именно к ним, а не к официальным источникам опубликования обращаются юристы, включая следователей, прокуроров и судей, при осуществлении профессиональной деятельности, разрешении конкретных юридических ситуаций, несмотря на то, что эти системы не являются официальными источниками опубликования нормативных правовых актов, судебных решений и могут содержать ошибки. Однако удобство подобных информационных ресурсов является главным аргументом в пользу обращения именно к ним.

В результате у формально-юридического источника права, такого как нормативный правовой акт, договор нормативного содержания и т.д., появляется «виртуальный дублер», «цифровой двойник», который может совпадать по форме и содержанию с официальным тестом, изданным, оформленным и обнародованным по всем правилам, а может и отличаться от оригинала. Это уже не просто цифровая копия, а нечто большее, так как электронная версия текста формально-юридического источника права выполняет функции последнего. Именно из него «черпают право» юристы при разрешении юридического дела. При этом, как было отмечено, точного соответствия цифровой копии оригиналу никто не гарантирует, а практика свидетельствует о наличии неточностей в электронных версиях нормативных правовых актов. Это не способствует повышению качества правореализационной деятельности.

Важно заметить, что за поиском правовой основы государственно-властного решения юристы обращаются к неофициальным ресурсам, владельцы которых теоретически могут не только по неосторожности, но и сознательно допускать ошибки в текстах электронных версий источников права. Следовательно, такого рода информационно-справочные системы, будучи весьма популярными у пользователей, способны превратиться в инструмент манипулирования. К тому же ошибки в электронных версиях текстов могут быть привнесены со стороны — в результате действия третьих лиц, хакеров, а может быть, владельца сети — частного субъекта — держателя информационного ресурса. Кроме того, оцифровка формально-юридических источников права приводит к формированию новых приемов и способов юридической техники, в частности отсылок к ранее действующей редакции нормативного правового акта или его части, к другим нормативным правовым актам, судебным решениям, официальным письмам и др. Именно в виртуальном пространстве существует такое явление, как «актуальная версия» нормативного правового акта, чего нет в реальном мире (хотя этот вопрос неоднократно поднимался как учеными-правоведами, так и практиками).

Заметим, что «актуальная версия» нормативных правовых актов при всех ее достоинствах — только прототип будущей цифровой модели. Разница между ними в том, что современная «версия» построена по принципу базы данных, а цифровую надо создавать по принципу «базы знаний», в которой будет собрана, систематизирована, структурирована и приспособлена для автоматизированного использования более объемная и разноплановая (правовая, экономическая, социологическая и др.) информация, позволяющая без

участия человека осуществлять толкование правовых норм, юридическую квалификацию деяний и правоотношений, разрешать юридические коллизии, совершать сделки, выносить правоприменительные решения, определять эффективность правовых норм, формулировать правотворческие решения в целях оптимизации правового регулирования и т.д.

Например, Конституция РФ в «базе знаний» предстанет как актуальное на данный момент времени единство: 1) ее текста; 2) федеральных конституционных законов; 3) законов Российской Федерации о поправках к Конституции РФ; 4) правовых позиций Конституционного Суда РФ; 5) общепризнанных норм и принципов международного права, ставших частью российской правовой системы; 6) комментариев ученых; 7) права интерпретационных актов международных органов (например, Европейской комиссии за демократию через право) и организаций. Сама идея такого представления Конституции не нова, но в практике она так и не получила широкого распространения. Формирование подобных «баз знаний» повысит статус правовой доктрины, приблизив ее к положению источника права, изменит роль ученых-правоведов. При этом правовой режим этих баз должен будет обеспечить «легальное бытие» цифровых двойников источников права.

7. Специализированные вызовы и проблемы в сфере процессуального законодательства и науки:

- сближение системы судов общей юрисдикции и арбитражных судов посредством унификации применяемых ими процессуальных правил при рассмотрении сходных категорий гражданских дел;
- приведение к единообразию правоприменительной практики судов общей юрисдикции и арбитражных судов;
- укрепление института независимости судей;
- оперативность предоставляемой защиты прав и законных интересов;
- оптимизация судебной нагрузки путем введения ускоренных и упрощенных производств;
- эффективное использование информационных технологий при рассмотрении и разрешении споров;
- заимствование отечественной процессуальной системой элементов, исторически сложившихся в рамках англосаксонской правовой традиции, в том числе судебного правотворчества высших судов России, профессионального представительства, стандарта доказывания по отдельным категориям дел;
- повышение исполнимости судебных актов;
- развитие третейского разбирательства;

– совершенствование альтернативных способов урегулирования споров, в том числе примирительных процедур (медиации).

В совокупности приведенные обстоятельства позволяют рассматривать экономическое правосудие не только как инструмент защиты прав субъектов, но и как средство поддержания сложившейся системы экономических отношений, формирования экономики нового типа, обеспечения эволюционной смены социально-экономического уклада, а также преемственности существующего и идущего ему на смену правовых порядков. Важно понять (а может быть, предвидеть) место и роль экономического правосудия (и судов) в новых условиях, в том числе в экономической модели (или в системе инструментов, ее поддерживающих) и правовом порядке. В связи с этим необходимо решить ряд научных вопросов, среди которых определение контуров будущего общества и правопорядка и роли правосудия и судов в новой общественной организации, его целей, задач и функций.

Ответы на эти вопросы являются ориентирами будущих преобразований организационных и правовых основ правосудия и судебной деятельности. В процессе их поиска следует обратить внимание и на целеполагание в правосудии. Проблема телеологических оснований правосудия остается малоизученной, но чрезвычайно важной и требует научно-практической разработки.